

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

**УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ МОРГ,
ЗОЛОТОЙ ЖУК,
МАСКА КРАСНОЙ СМЕРТИ,
ЗОВ КТУЛХУ И ДРУГИЕ**

**КЛАССИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
СТРАШНЫЕ И
УЖАСНЫЕ ИСТОРИИ**

**Страшные и ужасные
истории (с иллюстрациями).
Классическая коллекция:**

**Убийство на улице Морг,
Золотой жук, Маска красной
смерти, Зов Ктулху и другие**

Эта классическая подборка страшных историй содержит лучшее, что было создано в жанре ужасов.

Ужасы или хоррор (англ. horror) — жанр фантастики, который предназначен устрашить, напугать, шокировать или вызвать отвращение у своих читателей или зрителей, вызвав у них чувства ужаса и шока.

Авторы произведений в жанре «ужасы» создают жуткую и пугающую атмосферу.

И вы вполне можете проникнуться такой атмосферой, читая этот сборник.

Эдгар Аллан По:

Двойное убийство в улице Морг

Золотой жук

Человек толпы

Маска Красной смерти

Падение дома Эшер

Роберт Льюис Стивенсон: Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда

Николай Васильевич Гоголь: Вий

Говард Филлипс Лавкрафт: Зов Ктулху

Содержание

Эдгар Аллан По

Убийство на улице Морг

Золотой жук

Человек толпы

Маска Красной смерти

Падение дома Эшер

Роберт Льюис Стивенсон Странная история доктора
Джекиля и мистера Хайда

Глава I История двери

Глава II Поиски мистера Хайда

Глава III Доктор Джекиль спокоен

Глава IV Убийство Керью

Глава V Случай с письмом

Глава VI Замечательное происшествие с доктором
Ленайоном

Глава VII Встреча у окна

Глава VIII Последняя ночь

Глава IX Рассказ Ленайона

Глава X Полный рассказ Генри Джекиля

Николай Васильевич Гоголь Вий [11]

Говард Филлипс Лавкрафт Зов Ктулху

Часть 1 Ужас, запечатленный в глине

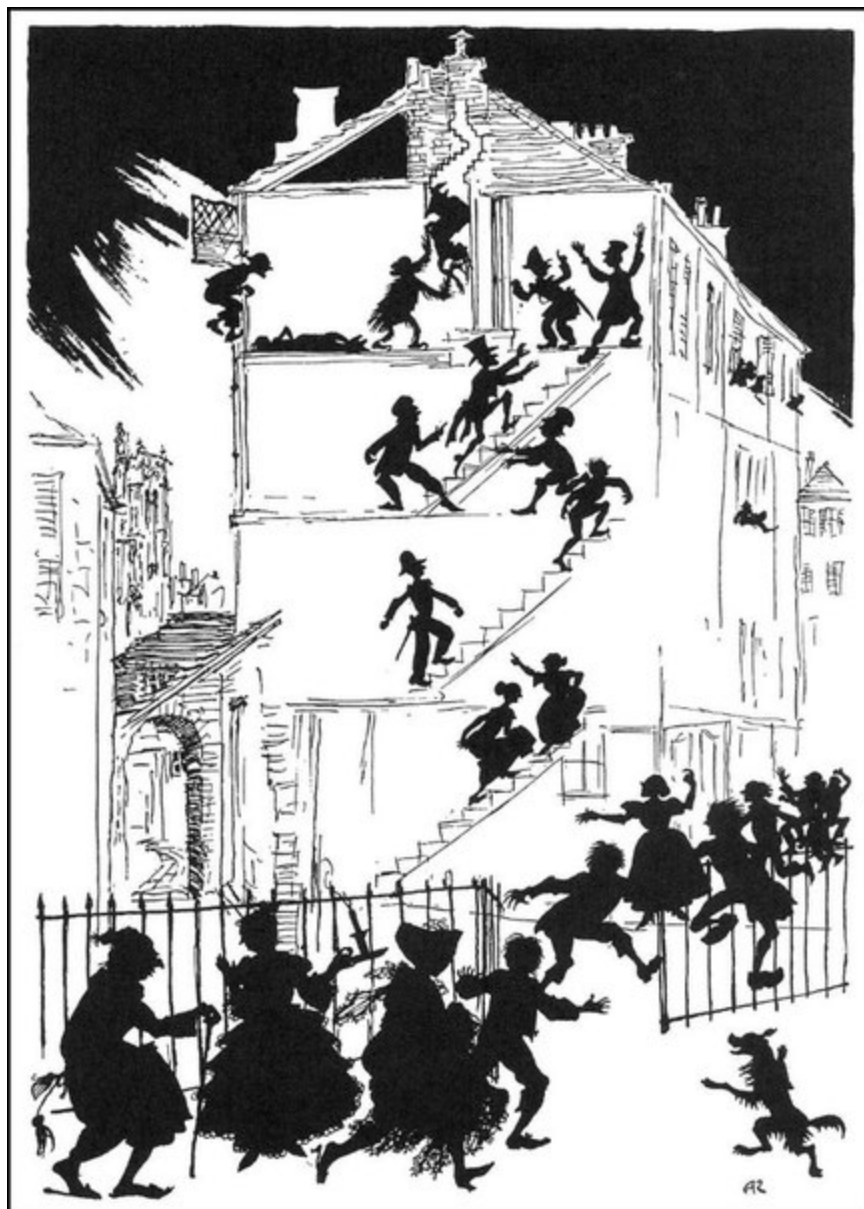
Часть 2. История инспектора Лейгра

Часть 3. Безумие из морской пучины

Эдгар Аллан По

Убийство на улице Морг

Аналитические способности человека сами по себе весьма мало подходят под анализ. Мы ценим их только по их выводами. Мы знаем о них только то, что они доставляют человеку громадный источник самых истинных наслаждений. Сильный человек наслаждается своей физической мощью, любит упражнения, в которых играют роль его мускулы, а аналитик предпочитает мозговую деятельность, дающую ему возможность исследования. Ему доставляют удовольствие даже самые обыкновенные случаи, представляющие возможность применить свои способности, даже загадки, ребусы, иероглифы.

Способность разгадывания или расследования зависит много от математических знаний, но высшую математику называют несправедливо анализом, потому что не всякий расчет можно назвать этим именем. Игрок в шашки, например, очень удачно рассчитывает, не прибегая к анализу.

Оставляя в стороне абстракции, обратимся к примеру и возьмем игру в шашки, когда действуют только четыре дамки, и, следовательно, нельзя предполагать

недостатка внимания. Очевидно, что победа может остаться только на стороне того, — мы берем противников равных, — чья тактика ловчее или у кого сильнее мышление. За недостатком обыкновенных средств, аналитик анатомирует мысли своего противника и часто внезапно находит единственное средство — иногда до глупости простое — втянуть его в ошибку или неверный расчет.

Вист давно приводится в пример игры, действующей на способности расчета; люди весьма высокого развития находят в этой игре невыразимое удовольствие и считают игру в шахматы игрой пустой. Действительно, вист более других игр заставляет работать аналитические способности. Хороший игрок в шахматы только и может быть хорошим шахматным игроком; игрок, искусный в висте, выиграет во всем, где мысль борется против другой мысли.

Способность к анализу не следует смешивать с обыкновенными умственными способностями, хотя аналитик непременно должен быть умным человеком, но умный человек бывает совершенно лишен способности к анализу.

В подтверждение этой мысли привожу следующий рассказ.

Я жил в Париже всю весну и часть лета 18.. г., и там я познакомился с неким Огюстом Дюпеном. Этот молодой человек, из хорошей и даже знаменитой фамилии, вследствие разных несчастных обстоятельств был доведен до такой бедности, что перестал показываться в свет и даже не пытался восстановить свое положение. Благодаря снисходительности кредиторов, у него оставалась, однако, часть его наследственного имения и доходами с него он мог, хотя очень скудно, удовлетворять главным потребностям жизни. Его единственной роскошью были книги, а в Париже они приобретаются легко.

Наше первое знакомство началось в маленьком, неизвестном кабинете для чтения в улице Монмартр. Первым поводом к нему послужило то, что мы искали одну и ту же книгу, очень замечательную и очень редкую; этот случай сблизил нас. Мы виделись все чаще и чаще. Я был глубоко заинтересован его семейной историей, которую он мне подробно рассказал с скромностью и непринужденностью, свойственными французу, когда он говорит о своих собственных делах.

Я был чрезвычайно удивлен обширностью всего прочитанного им и восхищался в особенности странной пылкостью и возбуждающей свежестью его воображения. Отыскивая в Париже некоторые предметы, необходимые мне для изучения, я увидел, что общество подобного человека будет для меня неоцененным, и с тех пор искренно привязался к нему. Мы решили, наконец, жить вместе, и так как мои дела не были так расстроены, как его, то я и взял на себя наем и меблировку дома, подходящего к нашим причудливым, меланхолическим характерам. Я нанял старый, странный домик, в котором не жил никто вследствие каких-то предрассудков, для нас, конечно, не имевших смысла, — в самой отдаленной и пустой части сен-жерменского предместья.

Если бы наш образ жизни стал известен, нас сочли бы за помешанных. Уединение наше было полное, к нам не ходил никто из знакомых. Место нашего жительства никому не было известно, потому что мы тщательно хранили его в тайне, и жили с глазу на глаз.

У друга моего были некоторые странности, например, он любил ночь из любви к ночи, — ночь была его страстью. Я сам мало-помалу вошел во вкус этой странности, как и во многие другие, ему свойственные. Так как мрак не мог быть постоянным, то мы производили искусственную ночь. Мы закрывали плотно ставни, зажигали лампы, ароматические свечи и занимались или беседовали до тех пор, пока часы не давали знать, что действительная ночь наступила. Тогда мы отправлялись на улицу и, гуляя под-руку до рассвета, продолжали наши беседы.

Поселившись вместе с Дюпенем, я не мог не заметить и не восхищаться его аналитическими способностями. Он находил истинное наслаждение применять к делу свою способность и признавался, какое удовольствие это ему доставляет. Он с улыбкою

говаривал мне, что у многих людей для него открыто окошко в том месте, где у них сердце. Свои слова он обыкновенно сопровождал немедленными доказательствами, поражая меня доводами глубокого знания моей собственной особы.

В такие моменты манеры его были холодны, и он казался рассеянным; взор смотрел куда-то в даль, а голос, — обыкновенно густой тенор, — возвышался до фальцета. Я наблюдал за ним в такие минуты и думал о двойной душе — старой философии...

Раз вечером мы шли по длинной, грязной улице, недалеко от Пале-Рояля. Оба мы, по-видимому, углубились в свои собственные мысли и с четверть часа не проронили ни словечка. Вдруг Дюпен проговорил следующее:

— Действительно, он слишком мал ростом и был бы более у места в театре Варьете.

— Это не подлежит сомнению, — отвечал я, не думая и не замечая сначала, что товарищ мой вслух продолжал мою мысль. Через минуту я опомнился.

— Дюпен, — серьезно сказал я, — это выше моего понимания. Признаюсь, что я поражен и едва верю своим ушам. Как могло случиться, что вы угадали, что я думаю о...

Я остановился, чтобы убедиться, что он точно угадал, о ком я думал.

— О Шантильи, — сказал он; — зачем остановились? Вы мысленно замечали, что он по своему маленькому росту не годится для трагедии.

Я, действительно, об этом думал. Шантильи был когда-то башмачником в улице Сен-Дени и, страстно любя театр, принял роль Ксеркса в трагедии Кребийона; претензии его были выше средств, и над ним потешались.

— Скажите мне, ради Бога, метод, — если только он у вас есть, — как вы проникли в мою душу в настоящем

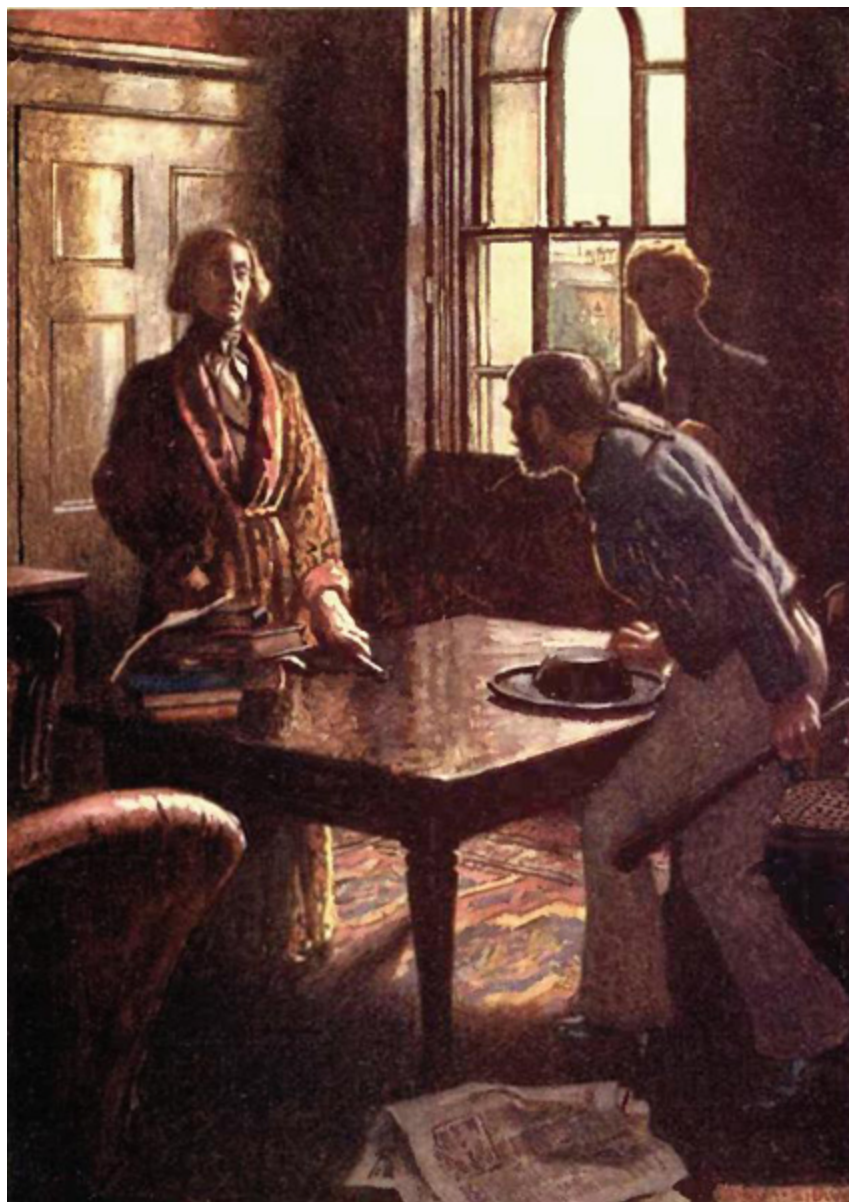
случае?

Действительно, я был более удивлен, чем мог выразить.

— Вас, — отвечал мой друг, — довел до заключения, что чеботарь не годится по фигуре для роли Ксеркса и вообще для ролей этого рода, зеленщик.

— Зеленщик? Вы удивляете меня! Я не знаю никакого зеленщика.

— Человек, который натолкнулся на вас, когда мы входили в эту улицу, может быть, с четверть часа тому назад.

Тут я вспомнил действительно, что зеленщик с огромной корзиной на голове чуть не сбил меня с ног, когда мы входили в ту улицу, по которой теперь шли. Но какое отношение имело это с Шантильи? Я не мог никак сообразить.

В друге моем Дюпене не было и тени шарлатанства.

— Я вам объясню это, — сказал он, — а чтобы вы легче поняли, мы проследим всю нить размышлений ваших от настоящей минуты до встречи вашей с

зеленщиком. Главные звенья вашей цепи следуют друг за другом так: Шантильи, Орион, доктор Никольс, Эпикур, стереотомия, мостовая, зеленщик.

Очень немногим случается проследживать обратный ход своих мыслей и доискиваться, каким путем мысль их дошла до известного вывода. Часто занятие это представляет интерес, и человек, делающий пробу в первый раз, удивляется несвязности и громадному, по-видимому, расстоянию от точки отправления до точки вывода.

Судите же о моем удивлении, когда я услышал объяснения француза и должен был сознаться, что он сказал сущую правду.

Он продолжал:

— Если не ошибаюсь, мы говорили о лошадях, когда входили в эту улицу. Это было последней темой нашего разговора. Когда мы вошли в улицу, зеленщик с громадной корзиной на голове быстро прошел мимо нас и столкнул вас на груды камней, приготовленных для исправления мостовой. Вы ступили на один из качающихся камней, оступились, ушибли ногу и рассердились. Вы проворчали что-то, потом обернулись, чтобы взглянуть на груды, потом молча пошли далее. Я не вполне внимательно наблюдал за вами, но для меня наблюдательное положение давно уже сделалось необходимостью.

— Взор ваш был устремлен на мостовую, и вы с досадой смотрели на ямы и неровности ее (так что я видел, что вы все еще думаете о камнях) до тех пор, пока мы не дошли до маленького прохода под названием пассажа Ламартина, где делается проба деревянной мостовой по системе гладких брусьев, твердо скрепленных между собою. Тут выражение лица вашего прояснилось, я видел, как губы ваши зашевелились, и я тотчас же догадался, что вы шепчете слово стереотомия — термин, которым называют эту

мостовую. Я знал, что вы не могли сказать стереотомия, не подумав об атомах и не перейдя к Эпикуру. А так как в разговоре, который мы вели недавно с вами, я вам сообщил, что предположения знаменитого грека странно подтвердились последними теориями о туманных пятнах и последними космогоническими открытиями, то я чувствовал, что вы непременно должны были обратить ваши взоры на созвездие Орион. Вы не обманули моих ожиданий, и я тогда же уверился, что ухватил нить ваших мыслей. Во вчерашнем отзыве о Шантильи критик «Музея», делая нелюбезные намеки на башмачника, обувавшего котурны, цитировал латинский стих, о котором мы часто говорили:

Perdidit antiquum littera prima sonum.

— Я вам говорил, что он имел отношение к Ориону, который писался первоначально Урионом, а так как в этом разговоре вы очень горячились, то я был уверен, что вы не забыли его. Мне было ясно, что вы должны были соединить мысль об Орионе и Шантильи. Эту ассоциацию идей я угадал по вашей улыбке. Вы думали о падении бедного башмачника. До тех пор вы шли сгорбившись, но тут вдруг выпрямились во весь рост. Я был твердо уверен, что в эту минуту вы думали о маленьком росте Шантильи. В эту-то минуту я и прервал ваши размышления замечанием, что, действительно, этот маленький недоросток Шантильи был бы гораздо более у места в театре Варьете.

Вскоре после этого разговора мы читали вечернюю газету Gazette de tribunaux, и следующие слова привлекли наше внимание.

«Странное двойное убийство. Сегодня утром, часов около трех, обитатели квартала Сен-Рок были встревожены страшными криками, по-видимому, из четвертого этажа одного из домов в улице Морг,

занятого некоей госпожой Эпене и ее дочью девицей Камиллой Эпене. После бесполезных усилий отворить дверь, ее пришлось выломать и восемь или десять соседей вошли в дом в сопровождении двух полицейских.

Между тем крики прекратились. В ту минуту, как народ в беспорядке поднимался в первый этаж, сверху слышалось два голоса или, может быть, даже более, сердито спорившие. На площадке второго этажа голосов не стало уже слышно и все затихло. Соседи рассыпались по комнатам. Войдя в большую комнату, окнами во двор, в четвертом этаже дома, в которую тоже пришлось выломать дверь, замкнутую изнутри на ключ, присутствующие были поражены ужасом и удивлением.

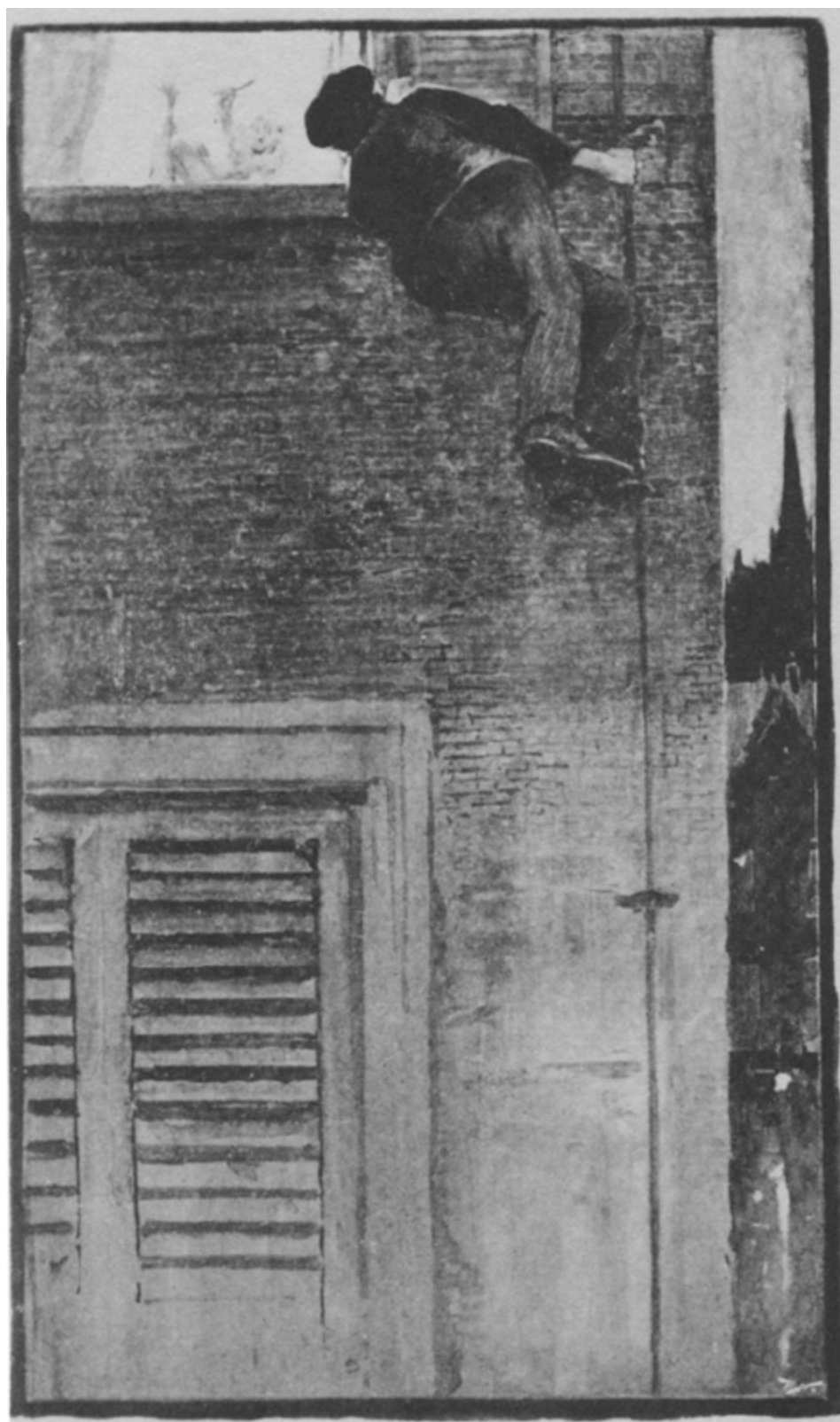
Комната оказалась в страшном беспорядке, — мебель разбита и разбросана; матрац с кровати стаян и брошен посреди комнаты. На стуле лежала бритва, запачканная в крови, на очаге найдены длинные пряди седых волос, по-видимому, силою вырванных из головы. На полу валялись два золотых, серьга с топазом, три большие серебряные ложки, три маленькие ложки накладного серебра и два мешка, в которых оказалось около четырех тысяч золотом. Ящики комода были открыты и, вероятно, ограблены, хотя многие вещи оказались нетронутыми. Под нижним тюфяком на кровати найдена маленькая железная шкатулка. Она была открыта торчавшим в ней ключиком и в ней лежали старые письма и другие ничего не значащие бумаги.

Г-жи Эпене не оказывалось и следов; но на очаге было замечено необыкновенное количество золы, и когда стали осматривать трубу — страшно сказать! — вытащили тело дочери, которое было силою втиснуто в трубу, головою вниз, на значительную высоту. Тело было еще теплое. При

осмотре нашли на нем множество повреждений, причиненных, вероятно, усилиями, с какими его впихивали в трубу и с какими вытаскивали. На лице виднелись большие царапины и глубокие следы от ногтей, как будто бы смерть произошла от удушения.

После тщательного осмотра всего дома, не приведшего ни к какому новому открытию, соседи пошли на маленький вымощенный двор сзади дома. Там лежало тело старухи, горло которой было перерезано так сильно, что когда тело начали поднимать, голова отделилась от туловища. Тело и голова были страшно изуродованы, и едва имели образ человеческий.

Все это дело остается страшной тайной, и до сих пор еще по найдено, сколько нам известно, никакой руководящей нити к его раскрытию».

В следующем номере мы прочли добавочные подробности.

«Драма в улице Морг. Множество свидетелей было опрошено, но ничего не открылось, что бы бросало хотя малейший свет на это дело. Мы сообщим, что узнали:

Полина Дюбур, прачка, показала, что она знала обе жертвы в продолжение трех лет и что все это время стирала на них. Старуха и ее дочь, казалось, находились в хороших отношениях, и были очень привязаны друг к другу. Они были хорошие плательщицы. Об их образе жизни и средствах существования она ничего сказать не может, но полагает, что г-жа Эпене, чтобы иметь средства к жизни, занималась гаданьем. Про нее говорили, что она имеет деньги. Прачка никогда никого не встречала в доме, когда приносила белье или приходила за ним. Она уверена, что убитые не держали прислуги. Ей казалось, что дом был без мебели, за исключением четвертого этажа.

Пьер Моро, табачный торговец, показал, что он обыкновенно поставлял табак г-же Эпене, в небольшом количестве и иногда растертый в порошок. Он родился в этом квартале и постоянно жил в нем. Покойница и дочь ее более шести лет живут в доме, где нашли их трупы. Но ранее дом занимал золотых дел мастер и отдавал верхние этажи в наем различным жильцам. Дом принадлежал г-же Эпене. Она оказалась очень недовольной жильцами за неопрятность и переехала в дом сама. Старуха уже впадала в детство. Свидетель видел дочь раз пять-шесть в продолжение этих шести лет. Обе они вели чрезвычайно уединенную жизнь и считались обеспеченными. Он слышал от соседей, будто г-жа

Эпене занимается гаданием, но не верит этому. Свидетель никогда не видел никого, кто бы входил в дом, за исключением старухи и ее дочери, раз или два посыльного и раз восемь или десять доктора.

Остальные свидетели показали то же самое. Никто не видел, входил ли кто-нибудь в дом или нет, и никто не знал, были ли родственники у старухи и ее дочери. Ставни передних окон дома открывались весьма редко. Ставни задних окон тоже всегда были закрыты, за исключением большой комнаты четвертого этажа. Дом был хорошо выстроен и не очень стар.

Изидор Мюзе, полицейский, показал, что, идя обходом, около трех часов утра, он увидел у дверей дома двадцать или тридцать человек, старавшихся проникнуть в дом. Отворить дверь было нетрудно, так как она была двухстворчатая, и не была заперта на задвижку ни вверху, ни внизу. Крики продолжались до тех пор, пока не выломали дверей; потом внезапно прекратились. Можно было подумать, что кричало несколько человек от страшной боли; крики были очень громкие и протяжные. Свидетель поднялся по лестнице. Войдя на первую площадку, он услышал два голоса, громко и злобно кричавшие; один голос очень грубый, другой — резкий и чрезвычайно странный. Свидетель разобрал несколько слов первого голоса, очевидно, француза. Но то был голос не женский. Свидетель слышал слова: черт и дьявол. Резкий же голос принадлежал иностранцу, но был ли то голос мужчины или женщины, он не знает. Слов разобрать он тоже не мог, но думает, что они говорили по-испански. О состоянии комнаты свидетель показал то же, что и предыдущие.

«Генрих Дюваль, сосед, серебряник, показал, что он был в числе людей, вошедших первыми в дом.

Вообще, он подтверждает показания Мюзе. Только что они вошли, они тотчас же заперли за собою дверь, чтобы не пускать толпу, которая начала набираться. Резкий голос, по мнению свидетеля, принадлежал итальянцу; достоверно, что это не был голос француза. Свидетель не знает наверное, женский ли это голос или мужской; может быть, и женский. Свидетель не знает итальянского языка; он не мог различить слов, но уверен, что говоривший говорил по-итальянски. Свидетель знал г-жу Эпене и ее дочь и часто говорил с ними; он уверен, что резкий голос не был голосом которой-нибудь из них.

Оденгеймер, трактирщик, явился без вызова. Он не говорит по-французски и показывал через переводчика. Свидетель родился в Амстердаме. Он проходил мимо дома во время криков; крики длились несколько минут, может быть, десять. То были продолжительные, очень громкие, страшные крики, — крики, раздирающие душу. Оденгеймер был в числе свидетелей, вошедших в дом. Он подтверждает предыдущие показания, за исключением одного. Он уверен, что резкий голос был голос француза. Слов разобрать он не мог. Говорили громко и скоро, не ровным тоном, выражавшим и страх, и гнев. Голос был скорее хриплый, чем резкий. Грубый же голос несколько раз повторял: черт, — дьявол, а раз сказал: Господи!

Жюль Миньо, банкир «дома Миньо и сына», в улице Делорен, — старший из фамилии Миньо. У г-жи Эпене было состояние. Весною, восемь лет тому назад, он взял на себя ее дела. Она часто вкладывала к нему небольшие суммы денег и вынула от него в первый раз сумму в четыре тысячи, за которой являлась сама. Сумма эта была

выплачена ей золотом, и отнести деньги было поручено приказчику.

Адольф Лебон, приказчик у «Миньо и сына», показал, что в указанный день, около полудня, он провожал г-жу Эпене домой с четырьмя тысячами франков в двух мешках. Когда им отворили двери, явилась мадемуазель Эпене и взяла от него один мешок, а другой взяла мать. Он раскланялся и ушел. На улице никого не было. Улица кривая, совсем глухая.

Уильям Бёрд, портной, показал, что он был в числе вошедших в дом. Он англичанин. Два года он живет уже в Париже. Он поднялся по лестнице одним из первых и слышал, как кто-то бранился. Грубый голос был голос француза. Он расслышал несколько слов, но не помнит, каких. Ясно, однако, слышал: черт и дьявол. Шум был такой, как будто дрались несколько человек. Резкий голос был гораздо громче грубого голоса. Свидетель уверен, что это не был голос англичанина. Скорее это был голос немца, или женщины. Свидетель не говорит по-немецки.

Четверо упомянутых свидетелей были вызваны снова и показали, что дверь комнаты, где было найдено тело мадемуазель Эпене, была замкнута изнутри. Все было совершенно тихо; не слышалось ни стонов и ничего другого. Выломав двери, они никого не видали.

Окна в задней комнате и в передней были закрыты и тщательно задвинуты изнутри. Внутренняя дверь была затворена. Дверь из передней комнаты в коридор была заперта на ключ, и ключ был изнутри; маленькая комната на лицевой стороне дома в четвертом этаже, при входе в коридор, была отворена почти настежь; в этой комнате были свалены старые чемоданы, кровати и

т. д. Все эти вещи были тщательно осмотрены. В доме все было тщательно исследовано. Трубочисты лазили в трубы. Дом в четыре этажа и с мансардами. Слуховое окно, ведущее на крышу, оказалось заделанным и плотно заколоченным гвоздями; по-видимому, его не открывали уже много лет. Показания расходились только в продолжительности времени с той минуты; когда слышались бранившиеся голоса, до тех пор, пока выломали дверь комнаты. Некоторые свидетели определяют его в две или три минуты, другие в пять. Дверь отворили с большим трудом.

Альфонс Гарцио, гробовщик, показал, что он вошел в дом одним из первых. Он живет в улице Морг, а родился в Испании. Он не поднялся на лестницу, так как у него слишком слабы нервы, и он боится всякого сильного потрясения. Кричавшие голоса он слышал. Грубый голос был голос француза. Что он говорил, он различить не мог. Резкий голос был голос англичанина, в этом он уверен. Свидетель не знает по-английски, но судит по интонации.

Альберто Монтани, кондитер, показал, что он одним из первых вошел на лестницу. Он слышал голоса. Грубым голосом говорил француз. Свидетель разобрал несколько слов. Говоривший, казалось, делал упреки. Он не мог разобрать, что говорил резкий голос, но это были звуки быстрые и отрывистые. Свидетель принял их за говор русского. Вообще, он подтверждает предыдущие показания. Сам он итальянец и никогда не говорил с русскими.

Некоторые из свидетелей, вызванные снова, показали, что трубы во всех комнатах четвертого этажа слишком узки, чтобы в них мог пролезть человек, и, следовательно, ни в одну из них, в то время, как свидетели поднимались по лестнице,

убийца выскочить не мог. Тело девушки Эпене было так втиснуто в трубу, что четверо или пятеро из свидетелей едва вытащили его оттуда.

Поль Дюма, доктор, показал, что на рассвете его призвали осмотреть тело. Оба тела лежали на постели в той комнате, где была найдена девушка Эпене. Тело молодой особы было страшно избито и обезображено. Повреждения объясняются усилием, с каким оно было втиснуто в трубу. Горло было все исцарапано. Под подбородком виднелось несколько знаков и целый ряд синих пятен, очевидно, от давления пальцев. Лицо было страшно отекавшее и глаза совершенно выкатились. Язык разрезан пополам. Около желудка шел широкий знак, очевидно, происшедший от натиска коленом. По мнению Дюма, девушка Эпене была задушена одним или несколькими преступниками.

Тело матери было страшно изуродовано. Все кости левой ноги и руки более или менее раздроблены; левая голень разбита в дребезги, также как и ребра той же стороны. Все тело страшно изувечено и обезображено. Трудно сказать, чем могли наноситься подобные удары. Только тяжелая деревянная плаха или широкая железная полоса, или какое-нибудь страшно тяжелое орудие могли бы произвести такие повреждения, да и то в руках необыкновенно сильного человека. Никакая женщина, каким бы то ни было орудием, не могла бы нанести подобных ударов. Когда свидетель осматривал тело, голова совершенно была отделена от туловища и, подобно всему остальному, страшно изуродована. Горло, по всей вероятности, было перерезано каким-нибудь страшно острым орудием, должно быть бритвой.

Александр Этьэн, хирург, призванный в то же самое время, как и г. Дюма, подтвердил все его

показания.

Полиция совершенно растерялась, — случай слишком необыкновенный, и для раскрытия дела нельзя отыскать никакой нити».

Вечерний номер подтверждал, что в квартале Сен-Рок не переставало царствовать сильное волнение, что на месте преступления был произведен второй осмотр, свидетели опрошены еще раз, и все-таки без малейших результатов. В конце статьи говорилось, что Адольф Лебон, приказчик банкового дома, был арестован и заключен, хотя ничто не дает повода обвинять его.

Дюпен казался необыкновенно заинтересованным этим делом, но ничего не говорил. Только после арестования Лебона он спросил, какого я мнения об этом двойном убийстве.

Я должен был признаться ему, что, подобно всему Парижу, считал убийство неразрешимой тайной. Я не видел возможности отыскать следы убийцы.

— Нам и не надо думать о возможных средствах, — сказал Дюпен, — особенно при таком поверхностном следствии. Парижскую полицию хвалят за ее проницательность; правда, она очень хитра, и только. Но разве у нее есть какой-нибудь метод? Впрочем, прежде чем высказывать свое мнение, нужно осмотреть все самим. Мы отправимся на место и собственными глазами осмотрим все. Я знаю Г..., префекта полиции, и мы без труда получим нужное дозволение.

Дозволение было получено, и мы отправились в улицу Морг. Это один из жалких парижских переулков, соединяющих улицу Ришелье с улицей Сен-Рок. Мы очень скоро нашли дом, потому что толпа зевак с глупым любопытством смотрела на его закрытые ставни. То был дом, как все дома Парижа, с входной дверью и с углублением в сенях для помещения привратника. Прежде чем войти в дом, мы прошли по

улице, повернули в боковой переулок и прошли задрами домов. Дюпен осматривал дом и все, что его окружало, с необыкновенным вниманием, которого я понять не мог.

Мы вернулись снова к лицевой стороне дома; позвонили, показали дозволение и вошли. В доме сохранялось все в том же беспорядке, в каком было найдено при акте осмотра. Дюпен тщательно исследовал даже тела убитых. Обойдя комнаты, мы спустились во двор, — конечно, в сопровождении полицейского. Наш осмотр тянулся очень долго, и мы вышли из дома уже ночью. На возвратном пути Дюпен зашел на несколько минут в контору одной ежедневной газеты.

Я уже говорил, что у друга моего были всевозможные странности и что я снисходил к ним. Теперь ему пришла фантазия до следующего дня не говорить ничего об убийстве. И только на следующий день он вдруг спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь особенного на месте преступления?

В интонации его голоса, когда он произнес особенного, было что-то такое, отчего я вздрогнул.

— Нет, ничего особенного, — ответил я, — по крайней мере, ничего такого, чего бы мы не читали вместе в газетах.

— Газеты, — продолжал он, — кажется, и не поняли всю наглость этого дела. Впрочем, что нам за дело до глупых суждений печати. Мне кажется, что тайну эту считают непроницаемой именно по тем причинам, по каким следовало бы считать ее легко проницаемой: я говорю о характере преступления. Полиция смущена не видимым отсутствием причин убийства, а его жестокостью. Кроме того, ее сбивает невозможность представить себе кричавшие голоса в такой комнате, откуда нельзя было выйти, не встретившись на лестнице с народом, шедшим наверх. Станный

беспорядок в комнате, тело, засунутое в трубу вниз головой, страшное изуродование тела старухи, — все это совершенно парализовало полицию и сбilo ее с толку. А между тем в случаях, подобных настоящему, нужно доискиваться не того, каким образом совершилось преступление, а надо изучить, чем оно отличается от всего, что бывало до сих пор. Я добрался до разгадки тайны именно тем, что делало ее неразрешаемой в глазах полиции.

В немом удивлении смотрел я на своего друга.

— Я жду теперь, продолжал он, взглянув на дверь, человека, который хотя и не был действующим лицом в страшной драме, но, тем не менее, должен быть причастен к ней. Очень может быть, что он не виноват в преступлении. Я надеюсь, что не ошибаюсь в своем предположении, так как на нем я основываю свою надежду разгадать всю загадку. Я жду этого человека к себе с минуты на минуту. Конечно, он может и не придти; но есть вероятие, что он явится. Если он придет, надо смотреть за ним. Вот пистолеты. Вы и я знаем, что с ними делать, когда того потребует необходимость.

Я взял пистолеты, сам не зная хорошенько, что делаю, и едва веря своим ушам; Дюпен между тем продолжал:

— Голоса, кричавшие наверху в то время, как свидетели поднимались на лестницу, были не голоса несчастных женщин, — это уже доказано и нас это избавляет от попытки дознать, не убила ли старуха свою дочь и потом убилась сама. Я говорю это больше так, потому что у г-жи Эпене не достало бы силы всунуть тело дочери в трубу. Повреждения же на ее собственном теле опровергают предположение о самоубийстве. Следовательно, убийство совершено третьими лицами, голоса которых и слышались сверху. Теперь позвольте обратить ваше внимание на нечто

особенное в показаниях, касающихся голосов. Что вы заметили?

— Я заметил, что все признавали единогласно грубый голос за голос француза, а относительно резкого голоса или хриплого, как определил его один свидетель, мнения расходились.

— Это подтверждает только очевидность, — заметил Дюпен, — но не особенность очевидности. Вы ничего не заметили особенного, а между тем можно было кое-что заметить. Все свидетели согласны относительно грубого голоса и все разногласят относительно резкого; но дело не в разногласии, а в особенности этого разногласия. Вы заметили, что итальянец, англичанин, испанец и голландец говорят, что слышали голос иностранца, но не соотечественника. Всякий говорит о национальности ему совершенно неизвестной. Француз говорит, что слышал голос испанца, но что испанский язык ему незнаком. Голландец, незнающий французского языка, говорит, что слышал голос француза. Англичанин — что это голос немца, но прибавляет, что он не знает по-немецки, и т. д. Все основывается на интонации. Странен же должен быть голос, о котором делаются подобные показания и в котором представители пяти европейских народов не находят знакомых звуков. Теперь я обращаю ваше внимание на следующие три разноречия. Один свидетель описывает голос так: «скорее хриплый, чем резкий», другой говорит отрывистый и быстрый. Свидетели не разобрали слов, ни даже звука, похожего на слово.

— Сопоставление этих показаний совершенно достаточно, чтобы возбудить подозрение и указать путь, по какому надо идти к открытию тайны.

— Подозрение, явившееся вследствие показания о голосах, заставило меня делать осмотр комнаты уже с известной мыслью.

— Теперь перенесемся в эту комнату. Прежде всего, надо узнать, каким образом убийцы могли уйти. Двери найдены затворенными, труба оказалась слишком узкою наверху, полиция поднимала пол, осматривала стены, потолок и не нашла тайного выхода.

— В комнате два окна. Одно из них не заставлено мебелью и совершенно видно. Нижняя сторона другого заставлена изголовьем кровати, очень массивной, приставленной к самому окну. Осмотр говорит, что первое окно было плотно закрыто изнутри. Оно устояло против усилий свидетелей, желавших отворить его. В раму его с левой стороны провертели большую дыру буравом и нашли большой гвоздь, вбитый чуть не до шляпки. Осмотрев другое окно, нашли вбитым такой же гвоздь; а отворить раму оказалось также невозможным, как и с другой стороны. Полиция уверилась, что в окна нельзя было уйти, и потому не выдергивала гвоздей и не пробовала отворять окон.

— Мой осмотр был тщательнее: надо было доказать, что невозможность была только кажущаяся.

— Я соображал так: убийцы убежали через одно из окон, и, следовательно, не могли запереть его изнутри, как оно было найдено во время осмотра. Окна были хорошо закрыты. Значит, они закрывались сами собою. Другого ничего нельзя было вывести. Я был уверен, что найду какую-нибудь пружинку, и не ошибся: я ее нашел; придавил — и, довольный своим открытием, не стал открывать окна.

— Я вложил гвоздь на место и внимательно осмотрел его. Если человек, вылезая из окна захлопнул бы его, защелка защелкнулась бы и гвоздь не мог бы оказаться на своем месте. Это соображение было ясно и облегчало мои исследования. Убийцы должны были выйти в другое окно. Предполагая, что защелки обоих окон одинаковы, надо было найти разницу в гвоздях или в способе их укрепления. Я влез на изголовье кровати и сверху

тщательно осмотрел другое окно. Пропустив руку, я нашел пружинку защелки, придавил ее и увидел, что она такая же, как и в другом окне. Тогда я начал осматривать гвоздь. Он был такой же большой и точно также вбит до самой шляпки.

— Вы, может быть, думаете, что меня смутило мое открытие? Напротив, я не сделал ни одного промаха, ни на минуту не выпустил из виду следа, не потерял ни одного звена моей логической цепи. Я проследил секрет до его последнего момента, и этим моментом был гвоздь. Он во всех отношениях походил на своего товарища в другом окне; но этот факт становился ничтожным в виду главной мысли, что на этом гвозде оканчивается путеводная нить. В гвозде должно быть что-нибудь испорчено. Я стал его трогать, и шляпка, с кусочком гвоздя, осталась у меня в руках, конец же гвоздя остался в отверстии. Этот перелом был старый, так как края были заржавлены, и переломился он, очевидно, от удара молотка, вдавившего шляпку в раму. Я тщательно вложил на старое место шляпку с кусочком гвоздя, снова принявшего вид цельного. Я подавил пружинку, тихонько открыл окошко; головка гвоздя подвинулась вместе с рамой; тогда я запер окошко, и гвоздь вошел опять в свое место и казался цельным.

— Загадка была разгадана: убийца убежал через окно, примыкающее к постели. Захлопнулось ли окно само за убийцей или было заперто, во всяком случае, оно задерживалось защелкой, а полиция приписала это гвоздю, и дальнейшие розыски считала лишними.

— Теперь надо решить, каким образом убийца спустился из окна. Я соображал это, когда мы обходили здание. Футов за пять с половиною от окна идет громоотвод; по нем трудно было бы кому бы то ни было добраться до окна, а тем более влезть в окно.